

Леонид ЗИМАН,
доцент МГПУ и МГУКИ

Как любить детей

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯНУША КОРЧАКА

Говорят, что три самых гуманных, самых благородных профессии на земле, — это врач, учитель и детский писатель. Генрих Гольдшмидт (1878—1942) был врачом-педиатром, педагогом-директором «Дома сирот» (детского дома, по-нашему) и детским писателем. Он писал под псевдонимом Януш Корчак, и это имя стало символом беззаветного служения детям.

Януш Корчак
в возрасте
короля
Матиуша

Когда в августе 1942 года двести его воспитанников — еврейских детей из варшавского «Дома сирот» — повезли в газовые камеры Трешлинок, старый доктор и старый учитель не покинул своих воспитанников и пошёл вместе с ними на смерть. Хотя возможности спасения собственной жизни были, и не одна. Последняя уже перед погрузкой в вагоны на Умшлагплаце, когда комендант, читавший в детстве книжки Януша Корчака, предложил ему остаться.

— А дети?

— Невозможно, детям придётся поехать...

— Ну, нет, — крикнул Доктор, — дети — это главное! — и захлопнул за собой дверь изнутри...

Так писал о последних часах жизни Корчака в Варшаве его бывший секретарь, писатель Игорь Неверли.

Корчак не спас ни одного ребёнка, но, как писали о нём в «Еврейском Интернет-Клубе», он не оставил детей «перед лицом смерти точно так же, как не оставлял он перед лицом жизни». Не одному поколению педагогов он преподавал урок подлинной верности, подлинного служения педагогическому призванию, подлинного служения детям, которых любил больше жизни.

Януш Корчак родился 22 июля 1878 года в Варшаве в семье юриста. Закончив ме-

дицинский факультет Варшавского университета, работал педиатром в детских больницах. Участвовал в Русско-японской и в Первой мировой войнах в качестве врача полевого госпиталя русской армии (Польша тогда входила в состав России).

Ещё в студенческие годы он начинает журналистскую и писательскую деятельность. Корчак неоднократно подчёркивал, что талант его формировался под влиянием великой русской литературы девятнадцатого века, особенно любил он творчество А.П. Чехова.

Памятник Янушу Корчаку и его воспитанникам около иерусалимского мемориала памяти жертвам фашизма Яд-Вашем. Фото Г. Тубельской

Врач и писатель, Корчак всё больше и больше тянется к педагогике. В 1907 и в 1908 г. работает воспитателем в детских летних колониях, где основной контингент составляли сироты и дети из бедных еврейских семей. С 1911 г. до конца жизни руководил «Домом сирот» для еврейских детей. Одновременно вместе с Марией Фальской организует приют для польских детей под названием «Наш дом».

Преподавал в Институте специальной педагогики и в Свободном польском университете, работал на польском радио. Десятки тысяч педагогов и родителей внимали советам мудрого доктора и педагога.

В созданном им «Доме сирот» поселился в маленькой комнатке под крышей, ухитряясь, так сказать, «в свободное от основной работы время», по ночам, писать книги по педагогике и художественные произведения. Не оставлял и медицинской практики детского врача.

Когда Варшава была оккупирована фашистами, Корчак остался со своими подопечными. Был арестован, несколько месяцев просидел в тюрьме, откуда его выкупили бывшие воспитанники. Старый доктор возвращается в «Дом сирот», который находится теперь на территории гетто. Власти разрешили ему уходить и возвращаться туда, и многие пытались уговорить Корчака покинуть гетто. Он покинул его только вместе с детьми, когда, как уже говорилось, их отправили в концлагерь Трешлинку.

Януш Корчак — автор ряда пьес для взрослых и повестей о детях и для детей: «Слава», «Банкротство маленького Джека», «Лето в Михалувке» и др. Повести — результат многолетних наблюдений над детьми, произведения доброго рассказчика, художника-психолога и ПЕДАГОГА. Наверное, особенно интересна в этом плане сказочная повесть «Когда я снова стану маленьким». Герой этой повести благодаря волшебному гному вновь становится ребёнком и вспоминает себя взрослого и часто повторяет: «Когда я был учителем, я не должен был так поступать». Ребёнок здесь не безукоризненное существо, он, слишком мало проживший, далеко не всегда понимает и далеко не всегда правильно воспринимает проблемы родителей да и педагогов. И тем не менее его «детский опыт» бесценен. Переплетение проблем, стоящих перед ребёнком и перед взрослым (притом педагогом) в их взаимном

опыте, даёт возможность раскрыть как поэзию детства, так и поэзию педагогики.

Подобный подход к жизненным проблемам характерен и для лучшего произведения Корчака — дилогии «Король Матиуш Первый» и «Король Матиуш на необитаемом острове».

Мягкая, лиричная, а подчас ироничная и очень грустная история о 10—11-летнем

мальчике, наследнике престола, оказавшемся во главе государства после смерти отца и решившем создать идеальное государство для детей — это одновременно и детская утопия, и антиутопия.

Очень добрый, глубоко любящий детей, Януш Корчак вместе с тем человек трезво и политически, и социологически, и уж, конечно,

педагогически мыслящий. Сказочник и фантазёр, он при этом трезвый реалист и в сказке своей не позволяет прекраснотуши, смягчения подлинных жизненных реалий в их сложности и неоднозначности.

Генетическим источником жанровой структуры сказок-повестей (так Корчак обозначил жанр) является, наверное, «Принц и нищий». Как и у Марка Твена, фантастичны сюжетные перипетии (хотя нет никаких волшебных персонажей и превращений), но то, с чем сталкивается Матиуш в своей реформаторской деятельности, — отражение реальной социальной психологии, реальной политической и экономической истории. Однако если у Марка Твена явственен исторический фон — Англия XVI века, то у Корчака, думается, отражены не столько конкретные исторические реалии польской жизни, как утверждают некоторые исследователи, а общеисторический опыт многих государств. В этом жанровое отличие от марктовенской повести.

Маленький король хочет создать справедливое общество, где все будут равны, при этом, прежде всего, он думает о равенстве детей и взрослых. И вот создается параллельно «взрослому» детский парламент, выходит детская газета. Сам король, не же-

лая быть марионеткой на троне, тайком бежит из дворца, чтобы принять участие в войне с тремя королями и на собственной шкуре испытать все тяготы войны.

Ирония судьбы: его действительно заменяют марионеткой — фарфоровой куклой, отдающей честь. «В машину куклу вносили на руках, потому что король Матиуш, как писали в газетах, дал слово, что нога его до тех пор не ступит на землю, пока эта земля не будет освобождена от последнего вражеского солдата» (цит. по переводу М. Павловой). Когда у куклы разбилась голова, механическая рука продолжала отдавать честь. Аллюзии с остросатирическими произведениями мировой литературы (в первую очередь литературы русской) так и напрашиваются.

По окончании победоносной войны, представленной здесь в лубочных тонах, реформы, особенно смена функций у детей и взрослых (взрослые пошли в школы на уроки, а дети — в учреждения, конторы, на фабрики), привели, как и следовало ожидать, но не в сказке, к полному краху боеготовности, транспорта, торговли... Даже звери сбежали из клеток зоопарка. И следующая война, которую теперь начали недруги Матиуша, воспользовавшись тяжёлым положением страны, закончилась полным поражением (не обошлось, правда, без измены неких богатых и именитых граждан).

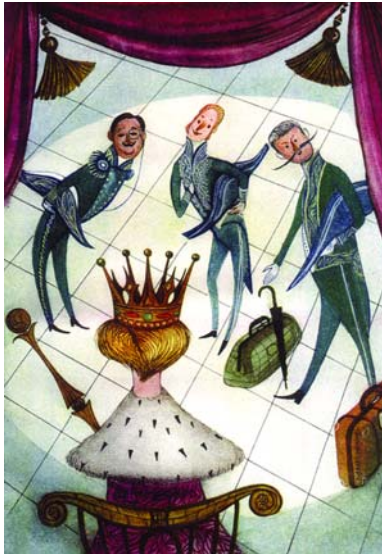
Матиуш осуждён на изгнание на необитаемый остров. Совершив побег, он скитается инкогнито по стране, устраивается простым рабочим на фабрику. А будучи узнанным и вновь приглашённым во дворец, отказывается от престола. Конец трагичен: Матиуш гибнет по вине своего лучшего друга Фелека. Умирая, прощает Фелека и даже дарит ему королевский перстень на память.

Почему же сказочные повести, полные юмора, обаяния, кончаются столь трагично? Наверное, потому, что автор при всей его романтической доброте не питал иллюзий, и реальность подтвердила его отнюдь не оптимистические воззрения на жизнь и на историю.

Эта реальность превращает в конечном итоге детскую утопию, которую так песто-

вал старый доктор и в педагогической деятельности своей на посту директора Дома сирот, и в литературных произведениях, в антиутопию. Начиная с первых шагов создания детской республики. «... легко ходить и отдавать честь, слушать музыку и брать букеты. Но скажи мне, мой Матиуш, знал ли бы ты, куда посылать войска, если даже не знаешь географии?» — так рассуждает он сам с собой во время первой победоносной войны. А затем сталкивается с тем, что дети всё-таки дети.

Хорошие реформы он проводит: заставил для Иренки создать куклу до потолка, всех детей приказал ежедневно кормить шоколадом, выдать по паре коньков, на лето вывозить в деревни... Он шёл, как говорится, «навстречу пожеланиям трудящихся» (в данном случае, детей). Но потом узнал, что не везде шоколад доходил до детей — оседал у тех, кто его «распределял». Узнал и то, что его реформы подрывают государственную казну. А что касается парламентских сессий детей, то их пожелания (нет, требования) были самыми невероятными по сути, потому что детскими: кто-то хочет собаку, кто-то — держать голубей, кто-то предлагает, чтобы у каждого ребёнка был велосипед, часы, труба... И т.д. и т.д. Один из юных депутатов протестует против бесконечных поцелуев со стороны взрослых (в конце концов, парламент принимает «компромиссное решение»: родители пусть целуют, коли им это нравится, а тёткам запретить). Были и, скажем так, трудновыполнимые требования, например иметь свою машину, лодку, каждый день ходить в цирк и даже такое: «Хочу быть волшебником». А как отреагировать на пожелание, «чтобы совсем не было девчонок и маленьких детей»? С этой проблемой Матиуш потом вновь столкнётся: дал права детям среднего возраста, это вызвало возмущение у 15—16-летних подростков и совсем маленьких детей. Для всех создавать свои парламенты в общегосударственном масштабе? Были и отнюдь не безобидные, совсем несмешные требования: разрешать (правда, лишь раз в месяц) разбивать стёкла, курить и даже дать детям револьверы.

Удивительно ли, что следующим «этапом» требований стала перемена местами со взрослыми...

Во всём этом — и детское обаяние, и юмор, и — увы! — отнюдь не юмористическая правда жизни.

Следует отметить такую особенность стилистики повестей: иронично звучащий текст воспринимается как детская речь, детское восприятие мира. Например: *«Военного министра очень боялись все министры, так как он всегда носил саблю и револьвер»*. Или: *«Кризис кабинета министров! Это значит, что министры поссорились»*. Но именно в таком «детском» восприятии отражаются подлинные явления политической жизни, которые обычно прячут под «умную» терминологию. И в книге Корчака есть прямое указание на это:

— *Что такое votum separatum, аккламация, дискуссия? — спросил Матиуш.*

— *Оставь, Матиуш, не забивай себе голову ерундой. Всё это придумано, чтобы глупые могли на заседаниях притворяться умными.*

Так объясняет Матиушу грустный король. Удивительный образ! Артистическая натура (играет на скрипке), он мечтает дать счастье своим подданным, но постоянно оказывается жертвой интриг других королей. Они даже втягивают его в войну с Матиушем, которого он так любит. Грустный король рассказывает о своём деде, который *«дал народу свободу... Его убили злые люди, а народ всё равно не стал счастливым»*. Грустный король ввёл парламентское правление. И что же увидел Матиуш на заседании парламента? Склоки, ссоры, требования сменить правительствo, один даже выкрикнул: *«Долой короля!»* — *«Всегда найдутся недовольные. На свете нет ни одного человека, которого бы все хвалили»* — грустный вывод.

Потерпев неудачи в своей либеральной реформаторской деятельности, Грустный король советует Матиушу провести реформы для детей: может быть, это удастся лучше, чем для взрослых. Увы, не удастся. И не только потому, что дети мало знают, мало умеют. Но и потому, что они отнюдь не идеальны. И Корчак не скрывает такую черту детей, как зависть по отношению к тем, кто в чём-то способней, в чём-то удачливей. Корчак показывает, что дети готовы на ссоры из-за пустяка, подчас очень жестоки в драках. Корчак не был бы Корчаком, если

бы любил детей придуманных, а не реально существовавших.

Следует сказать, что и взрослые, оказавшись на месте детей в школах, что так обрадовало учителей: легко будет работать! — не оправдали их надежд. *«Среди тех, которым ещё не было тридцати лет, много было шалунов... старшие ныли, что им неудобно сидеть, что у них болит голова, что душно, что чернила плохие; а старички спали»*.

Повести Корчака пронизаны добрым юмором. Но в них и злая сатира на многие явления действительности. Одно из самых острых мест — рассказ о том, как организует прессу журналист-шпион и пресса эта только морочит головы читателям, цель её — *«чтобы было как можно больше беспорядка и неразберихи»*. Когда Матиуш совершил свой первый побег на пути на необитаемый остров, то газеты тысяча двенадцать раз сообщали, что он пойман, но *«каждый раз оказывалось, что схватили кого-то другого, либо все врал, чтобы побольше продать газет»*.

Что же касается побега, то капитан Дормеско, который должен был доставить его на остров, подал рапорт, согласно которому он выполнил почти все пункты приказа: пункт первый: передать командование батареей на момент выполнения приказа — выполнено; пункт второй: отправиться в столицу за Матиушем — выполнено; пункт третий: доставить Матиуша с вещами на необитаемый остров — выполнено наполовину (вещи доставлены); пункт четвёртый: доложить о выполнении приказа — выполнено. Так что невыполнено лишь полпункта о доставлении Матиуша на необитаемый остров.

После побега Матиуша принимаются экстренные меры, основная суть которых — борьба с зелёным цветом (цвет знамени Матиуша, такое же знамя — символ леса, природы — было у «Дома сирот», которым руководил Корчак). Самый рьяный в этой борьбе царь Пафнутий даже издал указ, *«чтобы в течение месяца все растения в садах, лесах и на городских площадях изменили цвет»*.

Показывает Корчак и, говоря сегодняшним языком, коррумпированность в высших эшелонах власти. Король ещё не умер, а министры уже делят королевское вино и сигары: ведь малолетнему Матиушу нельзя ни того, ни другого. Когда короли нескольких стран решали вопрос о наказании Ма-

тиуша, то собирались либо у моря, либо в горах, либо в тёплой стране. При этом: *«Каждый король возил с собой нескольких министров, каждый министр возил секретарей, каждый секретарь возил несколько девушек, которые печатали на машинке всё, о чём короли говорили, это называется вести протокол»*. В очередной раз мы встречаемся с детской непосредственностью, вскрывающей подлинные явления социальной жизни.

Сатирическое начало повестей обращено в большей мере к взрослому читателю. Повести Корчака, бесспорно, имеют двойной читательский адрес.

Остановимся ещё на сюжетной линии, связанной с историей приобщения Матиушем негритянских дикарей к цивилизации, их постепенный отказ от людоедства. Здесь столько фантазии, детского озорства и совсем не детского социального анализа многих явлений истории. В этих сценах появляется обаятельнейшая девочка, дочь короля Бум-Друма Ключ-Ключ.

Она поражает и своей преданностью Матиушу, и своей чистой, как у детей, влюблённостью в него. И уж, конечно, не может остаться равнодушным юный читатель, когда узнаёт о её невероятной энергии, мужестве, силе. По деревьям прыгала не хуже обезьян и белок, ухитрилась сразиться с волком в канализационной трубе (когда тот убежал из зоопарка). Она и Матиуша не раз спасала, ради него прибыла в ящике с обезьянами.

С блеском воспринимает она все уроки Матиуша, проявляет большие способности и в освоении наук, и в преподавании их своим маленьким негритянским сверстникам.

После очередного заседания детского парламента Ключ-Ключ с детской непосредственностью скажет: *«Не понимаю, как белые люди, которые придумали столько умных вещей, могут быть такими глупыми и дикими»*. Не поймёт она, зачем нужна обувь («носить на ногах одежду», эта так мешает лазать по деревьям, например). И уж совсем диким покажется ей то, что девочки, в отличие от мальчиков, носят платья: *«Поэтому...*

такие неловкие. Ни на дерево не могут влезть, ни через забор перепрыгнуть. Всегда это дурацкое платье путается в ногах». Остаётся пожелать ей встретиться с сегодняшними нашими девочками, часто ни в чём не уступающими мальчишкам. Так что её желания сбылись.

В повестях Корчака отразились многие педагогические идеи автора, некоторые формы жизни в «Доме сирот». Корчак убедительно показывает, что детство — это не подготовка к жизни, это ЖИЗНЬ. В книге рассказывается и о плодах порочного воспитания. Подросток Филипп, «охранник» Матиуша на необитаемом острове, мстит всем за своё поруганное детство в исправительном доме, где его били, где слабого заставляли служить сильному, и жертвой оказывается Матиуш. Рассказывает автор о королевских лакеях, которые в детстве были лишены всяких игр и должны были вести себя тихо. Теперь они навёрстывают упущенное.

Вопрос о педагогических воззрениях Корчака, отразившихся в сказочных повестях, требует, конечно, специального анализа. Одно бесспорно. Сквозной идеей всей педагогической системы Корчака была старая, как мир, но никогда не устаревающая истина: педагог должен любить детей. Но любить не слащавой любовью сентиментальной барышни, которая видит (пытается видеть) в детях лишь умильных крошек. *«Воспитатель, который приходит со сладкой иллюзией, что он вступает в этаким маленький мирок чистых, нежных,*

открытых сердечек, чьи симпатии и доверие легко сыскать, скоро разочаруется», — писал он в одном из своих педагогических трудов. И в художественных произведениях, как уже говорилось, описывал и детские пороки. Но при этом верил, что в мире *«добра в тысячу раз больше, чем зла»*.

Главную свою книгу Януш Корчак назвал «Как любить детей» (другой перевод — «Как любить ребёнка»). Всей жизнью своей, всем творчеством, своей героической гибелью в газовой камере Трелинки он воочию показал нам, КАК ЛЮБИТЬ ДЕТЕЙ.